
К ВОПРОСУ О ХРИСТИАНСКОЙ ДОКТРИНЕ В РОМАНЕ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО “ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ”

ТЕРЕЗА МИДЖИФЕРДЖЯН

В каждом произведении Ф.М. Достоевского, особенно в романах “великого пятикнижия”, поднимается вопрос о христианстве, самой личности Христа и отношении к мироустройству через призму веры. Сам Достоевский много и мучительно размышлял над этими вопросами: “И в Европе такой силы атеистических *выражений* нет и не было. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое *горнило сомнений* моя *осанна* прошла...”¹ (курсив автора – Т.М.).

В системе веры, как и в системе познания, можно условно выделить три ипостаси: синкретическую, аналитическую и синтетическую. Каждый из персонажей-богоискателей может претендовать на владение относительной истиной. К абсолютной истине, по Достоевскому, приблизился только Христос. Образ Христа представляет собой неколебимый идеал в системе нравственных ценностей Достоевского. “Когда в “Преступлении и наказании” впервые в художественном мире Достоевского появляется образ Христа как центр бытия и основа человеческой личности – исчезает дилемма “истина вне Христа” (Христос или истина?): становится ясно – истина не ЧТО, а КТО. “Аз есмь истина”² (Ин. 14:6) (курсив автора – Т.М.)” Христос Достоевского – это не просто атрибут христианского вероисповедания, а незыблемый пример истинной любви к ближнему. Однако к этой незыблемости Достоевский пришел очень непросто. В письме к Н.Д. Фонвизиной он писал: “Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты, в которые я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее,

¹ Ф. М. Достоевский. ПСС в 30 томах. Т. 27, Л., 1984, с.86. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте в скобках с указанием тома и страницы.

² Карен Степанян. “Сознать и сказать”: “Реализм в высшем смысле” как творческий метод Ф.М. Достоевского. М., 2005, с.116.

мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной” (28/1, 176). Эта цитата выдает в Достоевском аналитика, страстно стремящегося к синтетическому приятию бога. В романе “Преступление и наказание” Достоевский показывает нам синкретическое миропонимание Сони, Мармеладова и аналитическое – Раскольникова, Свидригайлова. Б.Н. Тихомиров справедливо отмечает: “Сонечка у Достоевского в такой же степени нуждается в воскресении, как и Раскольников. Ее “путь” без него – это тоже тупик, как и его “путь” без нее. Они в равной степени необходимы друг другу. Соня и Раскольников не свет и тьма, не истина и ложь; они – два “полюса” смысловой структуры “Преступления и наказания”, “центростремительное” и “центробежное” начала романа”.³ Приведя Раскольникова к неотвратимому наказанию и отвергая его теорию, автор только подводит его к религии, соблюдая абсолютную жизненную правду. Недаром Достоевский так настойчиво отрекся от психологии, называя себя “лишь реалистом в высшем смысле этого слова” (27, 65).

Аналитик Раскольников, мучительно пытающийся объяснить себе картину мира, жестко дифференцирующий добро и зло и не желающий признавать их взаимопроникновения, еще не может синтезировать распавшиеся части в целое, но готовность к синтезу потенциально заложена в его душе. Поэтому возрождение Раскольникова возможно осуществить через любовь и веру.

Достоевский очень тщательно работал над словом, в его романном пространстве весома каждая деталь. Очень часто именно портретные характеристики, описания одежды, выбор того, а не другого слова помогают понять идею романа, определить позицию повествователя. В романе “Преступление и наказание” “...в первый раз в творчестве Достоевского появляется образ Христа и возникает столь важный для художественной структуры романов “великого пятикнижия” прорыв повествования в сакральный план бытия, происходит сопряжение исторической действительности, включение современности в эсхатологическую перспективу”⁴.

В разговоре о христианском мировосприятии Раскольникова и Сони мы особо остановимся на изобразительных средствах, использованных Достоевским в романе, и будем трактовать главную идею, основываясь на них.

В начале романа молодой человек, “задавленный бедностью”, идет делать некую пробу. По возвращении он заходит в трактир, где его

³ Борис Тихомиров. “Лазарь! Гряди вон”. Роман Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание” в современном прочтении. Книга-комментарий. СПб., 2005, с.30.

⁴ Там же, с.14.

внимание привлекает человек, похожий на отставного чиновника. Между ними завязывается разговор, в ходе которого Раскольников знакомится с Мармеладовым, узнает о тупиковом положении его семьи, о бесполезной, в сущности, жертве Сони, его дочери, и знакомится с христианской моделью мира в понимании Мармеладова. Именно в речи Семена Захарыча впервые звучит аллюзия на библейские деньги – 30 сребреников, за которые Иуда предал Христа. Соня предает самое себя и приносит домой тридцать целковых. Имя покупателя Сони не названо, да оно и не нужно. Раствленно само общество, разработавшее официальную документацию проституции – желтый билет. Это документ, обозначающий полную неправомочность его обладателя. Аллюзия повторяется, когда Мармеладов говорит о том, что Соня вынесла ему на похмелье тридцать копеек, после того, как он выкрал и пропил свое жалованье и новый мундир. Согласно собственному самоуничтожению, он оценивает себя в тысячу раз дешевле Христа. Иудины деньги еще раз всплывают в романе в рассказе Свидригайлова о том, что Марфа Петровна выкупила его из долговой ямы за тридцать тысяч сребреников. То, что его оценили в тысячу раз дороже Христа, вполне согласуется с доминантой иронии, заключенной в Свидригайлове.⁵

Мармеладов называет себя свиньей и утверждает, что звериный образ имеет, и это подтверждается портретной характеристикой, данной с точки зрения безличного повествователя, но с оттенком сопереживания персонажу: “Это был человек уже за пятьдесят, среднего роста и плотного телосложения, с проседью и с большой лысиной, с отекившим от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки. Но что-то было в нем странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, – пожалуй, был и смысл и ум, – но в то же время мелькало как будто и безумие”(6, 12).

Сознающий свой “звериный образ” Мармеладов уповает на то, что Христос пожалеет его в Судный день только за то, что он сам знает, что жалеть его не за что. Семен Захарыч предан своему пороку – пьянству. Пьянство, как и проституция, служат ловушками в обществе для тех, “кому некуда больше идти”. Недаром Мармеладов проводит такую параллель: “Когда едиnorodная дочь моя в первый раз по желтому билету пошла, и я тоже тогда пошел...” (6, 14). Мармеладов опустился на самую низкую ступень общественного бытия. Исповедуясь Раскольникову, как человеку “чувствительному и образованному”, он как бы косвенно определяет и грядущий нравственный тупик собеседника: “Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? Нет! Этого вы *еще* не понимаете... (курсив наш – Т. М.)” (6,16).

⁵ Об этом см. в нашей статье “Раскольников – Свидригайлов – Порфирий Петрович: поединок сознаний”. //Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1987, т.7, с.65-81.

Встреча с Мармеладовым перед преступлением является лишним доводом за преступление. Раскольников оказывается перед дилеммой: продолжать перебиваться с копейки на копейку, обрекая сестру на “жребий Сони”, а может, и хуже; или активно вмешаться в жизнь, противопоставить обстоятельствам поступок, первый шаг, нагнуться и поднять власть, то есть пойти и убить. Раскольников по натуре боец, а Мармеладов представляет собой непротивленца, пользующегося “позорными” деньгами для усугубления своего порока. Картина Судного дня, описанная Мармеладовым, подчеркивает, что “...метафизический план бытия в романах “великого пятикнижия” принципиально “персоналистичен”: это всегда “чья-то” вечность, “чей-то” апокалипсис, “чей-то” рай или ад и т.п. “Мармеладовская” картина Судного дня, перешедшая в “Преступление и наказание” из замысла “Пьяненьких”, явилась первым “ростком” новой жанровой поэтики Достоевского”⁶.

Раскольников высоко оценивает поступок “дщери, что мачехе злой и чахоточной, что детям чужим и малолетним себя предала”; “что отца своего земного, пьяницу непотребного, не ужасаясь зверства его, пожалела”. Семен Захарыч не случайно подчеркивает, что он – “отец земной”, тем самым признавая обязательное наличие “отца небесного”, который простит Соне “трехи ее мнози” за то, что “возлюбила много”. В размышлениях Раскольникова об услышанном возникает лейтмотив подлости человеческой: “Ай да Соня! Какой колодезь, однако ж, сумели выкопать! и пользуются! Вот ведь пользуются же! И привыкли! Поплакали, и привыкли. Ко всему-то подлец-человек привыкает!” / Он задумался. – Ну а коли я соврал, – воскликнул он вдруг невольно, – коли действительно не подлец человек, весь вообще, весь род то есть человеческий, то значит, что остальное всё – предрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград, и так тому и следует быть!..” (6, 25).

Если мир устроен так, что кроткие и чистые, верующие в “отца небесного” девушки ступают на стезю порока и предают себя за тридцать целковых, содержат чахоточную мачеху с тремя детьми на свои “позорные деньги” и “пьяненькому” отцу выносят тридцать копеек на похмелье, отрывая от своей собственной “чистоты”, которую они обязаны соблюдать в своем нечистом ремесле, то, стало быть, надо вмешаться в жизнь и попытаться изменить ее.

Сознательно совершив свой подлый шаг во имя справедливости, Раскольников сам должен осознать его ложность и подойти к пониманию справедливости с другой стороны. После реализации капитального пункта своей теории – пролития “крови по совести” – Родион мечется в поисках исхода во внешнем мире. Достоевский же был глубоко убежден в том, что “не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, овладей собой – и

⁶ Борис Тихомиров. Указ. соч., с.14-15.

узришь правду” (26, 139). В связи с этим автор не показывает в романе исхода, персонафицированного в каком-либо конкретном герое. Раскольников должен возродиться благодаря “громадному материалу”, заключенному в нем самом. Во время первой встречи с Порфирием Петровичем при обсуждении статьи Раскольникова происходит интересный диалог: “ – Так вы все-таки *верите* же в Новый Иерусалим? / – *Верую*, – твердо отвечал Раскольников; говоря это и в продолжение всей длинной тирады своей, он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре./ – И-и-и в бога *веруете*? Извините, что так любопытствую. / – *Верую*, – повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия. / – И-и в воскресение Лазаря *веруете*? / – *Ве-верую*. Зачем вам всё это? / – Буквально *веруете*? / – Буквально. / – Вот как-с... так полюбопытствовал. Извините-с” (6, 201, курсив наш –Т. М.).

Три раза произнесенные слова в древности приравнивались к закону; кроме того, ответы Раскольникова скорее напоминают клятву на Библии, произносимую в суде. В этом диалоге не случайно употребление паронимов “верить” и “веровать”. При употреблении этих слов сочетаются фразеологический и оценочный планы. “Верить” имеет более заниженный оттенок, но “веровать” можно только в интериндивидуальные ценности. Порфирий Петрович моментально перестраивается во время беседы, чувствуя значимость именно этого словоупотребления для Раскольникова. Духовные потенции его велики, и если они временно завели своего обладателя в нравственный тупик, то выход из него все же есть, и высвечивается он при помощи целого комплекса обстоятельств.

В рукописных редакциях романа встречается следующая запись: “Свидригайлов – отчаяние, самое циничское. / Соня – надежда, самая неосуществимая. / (Это должен высказать сам Раскольников.) / Он страстно привязался к ним обоим” (7, 204). Очень важна ремарка автора, заключенная в скобки. Полифонизм мировидения Достоевского требует, чтобы герой сам определился, по какому нравственному закону он может и должен жить дальше. И то, что герой ориентируется и высказывается сам, почти исключает возможность декларативного, механического разрешения проблемы.

Все персонажи романа так или иначе выявляют какую-либо черту Раскольникова, будь то сопоставимость характеров, поступков, жизненных ситуаций, поведения в момент нравственного выбора.

“Терзаясь сомнением, – пишет известный своими работами о Достоевском Г.М. Фридендер, – испытывая страх и ненависть к своим преследователям, ужас перед совершенным, Раскольников внимательно приглядывается к другим людям, сопоставляет свою судьбу с их судьбой, ищет в ней решения вопросов собственного существования. Каждый человек, появляющийся на страницах романа, входит в него *под двойным*

знаком: он является не только новым, вполне самостоятельным характером, но и новой гранью в раскрытии той основной социально-психологической проблематики романа, которая с наибольшей силой выражена в образе главного героя, оттеняет, углубляет и поясняет его нравственный облик”.⁷

Такая точка зрения делает вычленение Сони и Свидригайлова особенно значимым. Следуя ремарке автора, Раскольников “высказывается”: “Да и страшна была Соня. Соня представляла собою неумолимый приговор, решение без перемены. Тут – или ее дорога, или его. Особенно в эту минуту он не в состоянии был ее видеть. Нет, не лучше ли испытать Свидригайлова: что это такое? И он не мог не сознаться, что и действительно тот на что-то ему давно уже как бы нужен” (6, 354).

Остановимся здесь на линии Соня – Раскольников. В Соне кроется нравственный стержень, который помогает ей, пребывая в разврате, сохранить душевную чистоту и противопоставить ужасу жизни веру в его преодоление. Раскольников считает, что Соня “понапрасну умертвила и предала себя”. И поэтому она – преступница, подобно ему. Однако при готовности и свою жизнь отдать, если потребует, Раскольников жертвует *чужой* жизнью. Соня же распоряжается только своей судьбой, причиняет зло только себе. Ей и в голову не приходит рассуждать на тему: кто прав, а кто виноват? Она представляет собой квинтэссенцию жертвенности, совестливого подсознания. Соня не анализирует жизнеустройство, так как размышления могут довести ее до сумасшествия (“милости просим на седьмую версту”) или до самоубийства. В этом случае ее жертва действительно окажется напрасной, ибо те, ради кого она была принесена, погибнут. Но они на краю гибели и сейчас. Соне нечем больше жертвовать, и она возлагает все свое упование на бога. Ее религиозность очень своеобразна и глубоко народна; вера Сони синкретична по своему происхождению, не случайно ее единственной книгой является Евангелие. Соня верует глубоко и благодарно, не ожидая от бога конкретных благодеяний. Бог – ее единственная радость и опора в жизни, и поэтому она так отстраняется от Раскольникова, когда он пытается пошатнуть ее веру. В конечном счете, чистота ее души и пребывание в вынужденном разврате могут быть поняты и приняты только Христом, в этом Соня убеждена безоговорочно (равно, как и Мармеладов). Во время первого же своего визита Раскольников заводит с Соней разговор на тему религии:

“ – Так ты очень молишься богу-то, Соня? – спросил он ее. / Соня молчала, он стоял подле нее и ждал ответа. / – Что же бы я без бога-то была? – *быстро, энергически* (курсив наш – Т.М.) прошептала она, мельком взглянув на него *вдруг засверкавшими* глазами, и крепко

⁷ Г. М. Фридендер. Ф.М. Достоевский // История русской литературы в 4-х томах. Т.3, Л., 1982, с. 725.

стиснула рукой его руку. / “Ну, так и есть!” – подумал он. / А тебе бог что за это делает? – спросил он, выпытывая дальше./ Соня долго молчала, как бы не могла отвечать. Слабенькая грудь ее вся колыхалась от волнения./ – Молчите! Не спрашивайте! Вы не стойте!.. – вскрикнула она вдруг, *строго и гневно* смотря на него. / “Так и есть! так и есть!” – повторял он настойчиво про себя. / – Все делает! – быстро прошептала она, опять потупившись. / “Вот и исход! Вот и объяснение исхода!” – решил он про себя, с жадным любопытством рассматривая ее” (6, 248).

Вера – единственное, что Соня отстаивает. Ни чести, ни достоинства Соня за собой не числит; когда ее обвиняют в несовершенном воровстве или попрекают желтым билетом, она теряется, тушуетя и чувствует себя еще более приниженной. Когда же она отстаивает свое право на веру, в описании ее появляются не свойственные ее характеру эпитеты: “быстро, энергически прошептала”, “строго и гневно смотрела”, “сурово прошептала”, “голос ее становился все суровее и суровее”, “громко и восторженно прочла”, “отрывисто и сурово прошептала” и т.д. Кстати, Раскольников просит Соню прочесть ему сцену воскрешения Лазаря Христом (вспомним, как уверенно ответил он Порфирию на вопрос о Лазаре). “Общепризнанно, что чтение Сонечкой по просьбе Раскольникова сцены воскресения Лазаря из Евангелия от Иоанна – это символический “фокус” всего романа”⁸.

Во время чтения Евангелия Соня преображается, полностью отрекаясь от безрадостности своего существования: “голос ее стал звонок, как металл; торжество и радость звучали в нем и крепили его” (6, 251). Раскольников единственный постигает загадку великой силы этой хрупкой и щедеушной великомученицы: “Он слишком хорошо понимал, что чувства эти действительно как бы составляли настоящую и уже давнишнюю, может быть, тайну ее, может быть еще с самого отрочества, еще в семье, подле несчастного отца и сумасшедшей от горя мачехи, среди голодных детей, безобразных криков и попреков” (6, 250). Пожертвовав собой ради других, Соня поднимается на недостижимую высоту. Достоевский великолепно умел выстраивать систему доводов pro и contra (за и против); и не его вина, что в жизни pro выглядит бледнее и должно просто противостоять contra, всегда опираясь на непреходящие нравственные ценности. Это противопоставление Достоевский использует в романе “Братья Карамазовы” (старец Зосима - Иван Карамазов).

Конечно, аналитический ум Раскольникова не может трансформироваться в нерассуждающую веру в бога, и он понимает, что Сонин исход тоже ведет к катастрофе. Собственно, так бы и случилось, если бы Свидригайлов не разрешил бы всех вопросов, исполнив функцию “бога из машины”: перед самоубийством Аркадий Иванович обеспечивает детей Катерины Ивановны и дает 3000 рублей Соне, чтобы она могла

⁸ Борис Тихомиров. Указ. соч., с.31.

сопровождать Раскольников на каторгу.

Раскольников мучает Соню вопросами, неразрешимость которых заставила его взяться за топор: "... если бы вдруг все на ваше решение отдала: Лужину ли жить и делать мерзости, или умирать Катерине Ивановне? То как бы вы решили: кому из них умереть? Я вас спрашиваю. (...) – Да ведь я божьего промысла знать не могу... И к чему вы спрашиваете, чего нельзя спрашивать? К чему такие вопросы? Как может случиться, чтоб это от моего решения зависело? И кто меня тут судьей поставил: кому жить, кому не жить?" (6, 313).

Фактически, Соня дает единственно возможный ответ на этот вопрос. Выйдя за пределы эгоизма бытия одной личности, она не берется судить других, зато с себя спрашивает по самому взыскательному счету. Она называет себя жестокой за то, что отказала в просьбе покойному отцу почитать для него и пожалела отдать воротнички Катерине Ивановне. Соня приближается к "высочайшему употреблению своей личности", отдавая себя "безраздельно и беззаветно". Раскольников, вглядываясь в людей, пытается определить для себя закон, по которому возможно было бы продолжать жить. И, в результате, оставшись между "отчаянием, самым циническим" и "надеждой, самой неосуществимой", выбирает последнюю, так как душа его не повреждена и все еще способна любить.

Соня идет за Раскольниковым на каторгу, потому что любит его. Она не навязывает ему веры в бога: "...в начале каторги он думал, что она замучит его религией, будет заговаривать о Евангелии и навязывать ему книги. Но, к величайшему его удивлению, она ни разу не заговаривала об этом, ни разу не предложила ему Евангелие" (6, 422).

Явка с повинной и суд не облегчили душевной пытки Раскольникова, его продолжают мучать вопросы: "Зачем ему жить? Что иметь в виду? К чему стремиться? Жить, чтобы существовать? Но он тысячу раз и прежде был готов отдать свое существование за идею, за надежду, даже за фантазию. Одного существования всегда было мало ему; он всегда хотел большего. Может быть, по одной только силе своих желаний он и счел себя тогда человеком, которому более разрешено, чем другому" (6, 417). Бредовое видение в болезни способствует окончательному развенчанию собственной теории в глазах Раскольникова и освобождению от головной казуистики. Возрождает Раскольникова к жизни пробудившаяся любовь к Соне. Исцеление через любовь закономерно для развития образа Раскольникова потому, что он эмоционально горяч, что способность любить и ненавидеть в нем не атрофирована. Наконец находится ответ на вопрос: "Зачем ему жить?"

"Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого. (...) Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое" (6, 422). "... одна мысль промелькнула в нем: "Разве могут ее

убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере..” (6, 422).

Раньше некоторые исследователи говорили о надуманности Эпилога в связи с невозможностью трансформации бунтарского разума Раскольникова в нерассуждающую веру в Бога (в частности, В.Я. Кирпотин в кн. “Разочарование и крушение Родиона Раскольникова”, М., 1986); в наше время усматривают в чудесном преображении и обращении героя к вере высшую истину христианской установки автора (например, Татьяна Касаткина в ст. “Об одном свойстве эпилогов пяти великих романов Достоевского” в кн. “Достоевский в конце XX века”, М., 1996). С нашей точки зрения, это ключевое высказывание героя не должно восприниматься как единое целое, оно **двучленно**. Именно *чувства и стремления* (курсив наш – Т.М.) Сони готов разделить Раскольников, а не *убеждения*. Самокорректировка героя очень важна, ибо говорит не об интеллектуальном, а о нравственном уподоблении его и Сони, что не нарушает логики развития их образов в романе.

Ключевые слова: Достоевский, “Преступление и наказание”, христианская доктрина, Мармеладова, эпилог

ԹԵՐԵԶԱ ՄԻՋԻՖԵՐՋՅԱՆ – Ֆ. Մ. Դոստոևսկու «Ոճիր և պատիժ» վեպում քրիստոնեական ուսմունքի հարցի շուրջ – Հոդվածում դիտարկվում է քրիստոնեության, Քրիստոսի՝ որպես անձի, ինչպես նաև հավատքի տեսանկյունից աշխարհակարգի ընկալումը: Ըստ հոդվածագրի՝ Դոստոևսկու համար Քրիստոսը ոչ թե քրիստոնեական դավանանքի մաս է, այլ մերձավորի նկատմամբ սիրո անսասան օրինակ, հենց այդ տեսանկյունից էլ մեկնաբանվում է քրիստոնեության նկատմամբ Սոնյայի, Մարմելադովի և Ռասկոլնիկովի դրսևորած վերաբերմունքը:

Բանալի բառեր – Դոստոևսկի, «Ոճիր և պատիժ», քրիստոնեական ուսմունք, Մարմելադովա, վերջաբան

TEREZA MIJIFERJYAN – To the Question of the Christian Doctrine in the Novel “Crime and Punishment” by F.M. Dostoevsky. – The article raises the question of Christianity, the very person of Christ and the attitude to the world order through the prism of faith. Dostoevsky's Christ is not just an attribute of the Christian faith, but is an unshakable example of love to neighbor. It is in this aspect that the author considers the attitude of Sonya, Marmeladov and Raskolnikov to Christianity.

Key words: Dostoevsky, “Crime and Punishment”, Christian doctrine, Marmeladova, epilogue

Поступление: 06.02.2019, рец.: 16.02.2019, принято к печати: 04.04.2019